

Ци Цзюнь — обладатель титула Чжэньбэй-хоу, первый в иерархии генерал-конник Великой Шан, лично возведенный в этот сан самим императором, — питал слабость к мужчинам.

И этот мужчина был не кто иной, как нынешний император.

Когда-то давно, когда император был еще принцем, он сопровождал покойного правителя в южном охотничьем походе. В пути принц упал с лошади, и юный хоу, подставив собственное тело под копыта, спас его, заплатив за это двумя сломанными ребрами.

Тот мимолетный взгляд в суматохе заставил Ци Цзюня осознать, что истории сказителей о любви с первого взгляда — отнюдь не выдумка.

В юности сын неба был полон жизненных сил, ослепителен и светел. Достаточно было увидеть его лишь раз, чтобы этот образ стал для Ци Цзюня наваждением на долгие годы.

Ци Цзюнь думал, что унесет эту тайну с собой в могилу.

Но всё изменилось зимой третьего года правления Тяньци, когда при дворе в его честь устроили пир в ознаменование победы.

Тремя годами ранее десятилетняя эпоха смуты, вызванной евнухами, наконец завершилась самоубийством главного евнуха Сюй Дэцай. Восемнадцатилетний Сяо Юй, заручившись поддержкой своего дяди Сяо И и премьер-министра Ван Шэньчжи, взошел на престол и начал править самостоятельно, провозгласив девиз Тяньци.

В тот же год племена Хунну перешли границу, начав масштабное вторжение на северные земли Великой Шан. Старый Чжэньбэй-хоу Ци Чжэн по состоянию здоровья не мог возглавить войско, и старший сын Ци Цзюнь унаследовал титул отца, отправившись в поход против захватчиков. Его не было дома три года.

Пронизывающие ветра и снега заграничья, непрекращающиеся сражения — всё это время его поддерживали не только мечты о воинской славе, но и образ статного Сяо Юя, запечатленный в памяти.

Ци Цзюнь не был человеком, который требует большего, чем ему положено. Он не стремился к чрезмерной близости с императором — ему было достаточно лишь снова увидеть его, чтобы обрести покой.

И вот теперь такой шанс представился.

— Иди сегодня вечером во дворец, но будь крайне осторожен. Нынешняя обстановка при дворе совсем не та, что прежде. Не прошло и полугода, как ты уехал, а принц-регент, ссылаясь на юный возраст императора, провозгласил себя правителем и полностью отстранил государя от власти. Это ничем не отличается от того, что творил Сюй Дэцай!

— Полно тебе. Хватит об этом. Цзюнь-эр, просто пропусти слова отца мимо ушей, только не вздумай болтать об этом во дворце.

— Я понял, матушка.

Ци Цзюнь убрал руку матери со своего плеча, попрощался с родителями и вскочил в седло, направляясь в сторону императорского дворца.

За те несколько дней, что он провел в Шанцзине после возвращения, он услышал немало дворцовых сплетен: например, о том, что в качестве императрицы во дворце находится дочь премьер-министра Ван Шэньчжи, или о том, как принц-регент выживает со службы всех сановников, поддерживающих государя.

Но ничто не могло омрачить радость от предстоящей встречи с тем, о ком он грезил каждую ночь.

Двенадцатый месяц, в Шанцзине только что отгремел сильный снегопад. На закате императорский город утонул в золотистых волнах вечернего солнца, являя собой картину полного запустения, что резко контрастировало с шумным Тунчжантаем, откуда без умолку неслись звуки флейт и струнных инструментов.

— За эти три года вы, доблестные воины, храбро сражались на северных рубежах, защищая народ Великой Шан ценой собственной крови и плоти. Сегодня ваше возвращение с триумфом — это событие, достойное ликования всей страны! Мы с Его Величеством вместе поднимем кубок за каждого из присутствующих воинов, чтобы почтить ваше прибытие!

Говорившим был немолодой мужчина с аккуратной бородкой в роскошных одеждах с золотым шитьем. Он восседал на почетном месте рядом с императором Сяо Юем — это был Юн-ван, нынешний принц-регент Сяо И.

Ци Цзюнь вместе с остальными военачальниками поднялся, чтобы выпить, но взгляд его был прикован к императору, сидящему рядом с Сяо И.

Сяо Юй, облаченный в торжественное одеяние, сидел чопорно и молчаливо. Он все так же был статен и красив, с точеными бровями и яркими глазами, однако стал намного худее, чем запомнил его Ци Цзюнь. Похоже, бремя власти не принесло ему облегчения.

— В танцевальном зале одни и те же номера, я смотрю на них столько лет, что уже тошно, — Сяо И резким окриком остановил танцовщиц. — До меня дошли слухи, что Его Величество мастерски играет на сяо. Сегодня мы празднуем вместе, не соблаговолит ли дядюшка попросить императора сыграть для всех заслуженных сановников, дабы показать гармонию между монархом и подданными Великой Шан?

Тон Сяо И, казалось бы, вопросительный, на деле звучал как приказ. Пальцы Сяо Юя, сжимавшие кубок, побелели от гнева.

Ци Цзюнь почувствовал, как сердце ушло в пятки. Он поспешно встал, опустился на одно колено и, отдав воинское приветствие, произнес:

— Покорнейше прошу, не заставляйте Его Величество заниматься этим.

— А если посмею? Ты что, взбунтоваться решил?! — раздался гневный окрик за спиной Ци Цзюня. Это был чиновник второго ранга Шэнь Мин; от ярости его голос слегка дрожал. — Его Величество — верховный правитель, Сын Неба! Принц-регент, как вы смеее сравнивать

государя с уличными скоморохами!

— О? Кажется, господин Шэнь совсем выжил из ума. Я вот не расслышал в словах принца-регента такого подтекста. Впрочем, говорят, что у кого что на уме, тот то и говорит. Неужели в глубине души вы сами считаете Его Величество заурядным артистом? — парировал чиновник из лагеря Сяо И.

— Ты... вы, вероломные предатели, повязаны одной кровью!

— Довольно! — рявкнул Сяо И. — Шэнь Мин, ты совсем спятил, раз смеешь молоть подобную чушь! Стража, увести господина Шэня, дать ему двадцать ударов палками, пусть вспомнит о своих обязанностях подданного.

Ци Цзюнь услышал в зале злорадные смешки.

Он поднял глаза на Сяо Юя. Взгляд императора был по-прежнему спокоен, словно застывшая гладь соленого озера в безветренную погоду на севере.

Сяо Юй встал, спустился по ступеням и шаг за шагом направился к нему. Он не знал, сколько еще подобных унижений ему придется пережить. От того, что он в гневе разбивал весь фарфор во Дворце Чунхуа, он пришел к нынешнему состоянию, когда может не дрогнуть ни одним мускулом. Сяо Юй знал: он обязан терпеть. Он — хищный зверь в клетке, ожидающий своего часа, чтобы снова повергнуть в трепет горные леса.

— Генерал Ци, эта мелодия называется Юй Мэй Жэнь, слушайте внимательно, — голос Сяо Юя звучал чисто и величественно.

Юй Мэй Жэнь... какая именно Юй Мэй Жэнь? Та, где поется о яшмовых ступенях и резных перилах, что остались прежними, но изменились лица людей? Ци Цзюнь не разбирался в музыке, но почувствовал глубокую скорбь, заключенную в этой мелодии.

Оказалось, что чувства могут быть общими вне зависимости от социального статуса и положения.

Весь оставшийся вечер Ци Цзюнь то и дело поглядывал на Сяо Юя и всякий раз видел, как тот осушает кубок за кубком, лишь для того, чтобы снова наполнить его вином.

Когда пир перевалил за полночь, Сяо Юй уже был пьян и, уткнувшись лицом в стол, лишился чувств.

— Эй, стража! Его Величество пьян, отведите его в покои! — Сяо И, увидев племянника в таком состоянии, подозвал прислуживавших евнухов.

Несколько евнухов подхватили Сяо Юя, грубо стащили его со стула и потапили прочь. Их небрежные действия напоминали обращение с пьяницей, подобранным на улице.

Ци Цзюнь, сославшись на нужду, поспешил вслед за ними.

— Эй вы, стойте, — окликнул он их в коридоре, ведущем к Дворцу Чунхуа. — Мне нужно

доложить Его Величеству о важном деле, я уже получил на это согласие принца-регента.

Евнухи засомневались — император едва на ногах стоит, какой уж тут доклад, — но, услышав, что принц-регент в курсе, успокоились и передали государя Ци Цзюню. В такую холодную ночь никто не хотел торчать на улице дольше положенного.

Сяо Юю, на взгляд Ци Цзюня, был невыносимо легким. Он снял с себя меховую накидку, укрыл ею маленького императора и понес его на руках через пустые залы дворца.

Ночное небо было чистым, и в тишине слышался лишь скрип сапог по снегу да звук собственного сердца.

— Кто идет? — сурово окликнул его стражник у входа во Дворец Чунхуа.

— Я, Чжэньбэй-хоу Ци Цзюнь, по приказу принца-регента принес Его Величество, — с мягкой улыбкой произнес Ци Цзюнь, сам удивляясь своей способности так гладко лгать.

Стражники пропустили его. Он ожидал дальнейших расспросов, но в огромном Дворце Чунхуа не оказалось ни единого слуги.

Ничего не поделаешь — Ци Цзюню пришлось самому носить воду и обтирать императора. В комнате не жгли благовоний, но от тела Сяо Юя исходил едва уловимый чистый аромат.

Даже в таком жалком положении император все равно жил лучше, чем он сам, привыкший к ветрам и снегам заграничья: всегда может искупаться, и даже от вина исходит приятный запах. Если бы это был он, от него пахло бы лишь потом.

— Лю Ци! Не оставляй меня здесь!

Когда он протирал шею, Сяо Юй вдруг схватил его за руку. Ци Цзюнь вздрогнул от неожиданности.

— Ваше Величество? — осторожно позвал он, решив, что император очнулся.

— Лю Ци, где ты? Я так скучаю по тебе... — рука Сяо Юя безвольно упала, и Ци Цзюнь понял, что тот бредит во сне.

Лю Ци — это его возлюбленная? Что она за человек? Ци Цзюнь почувствовал укол ревности, но тут же высмеял себя за излишнюю самонадеянность.

Ночью снова пошел снег, и Ци Цзюнь, завернувшись в свой плащ, заснул прямо на полу во Дворце Чунхуа.

На следующее утро его разбудил Сяо Юй, наступив ему на руку. Благодаря обостренным годами войны рефлексам, он вскочил с пола, едва не ударившись головой о макушку маленького императора.

— Генерал Ци? — удивился Сяо Юй.

— Ваше Величество, вчера вы были пьяны, это я принес вас обратно, — объяснил Ци Цзюнь.

Сяо Юй немного помолчал, а затем протрупывающим тоном произнес:

— Генерал Ци, я не помню, что было вчера ночью. Несмотря на ваши великие заслуги, сближаться со мной опасно — боюсь, это не принесет вам ничего хорошего.

— Быть верным императору и Отечеству — мой долг. Я знаю лишь это.

— О? — Сяо Юй заинтересовался, подошел ближе и похлопал Ци Цзюня по плечу.

На таком расстоянии Ци Цзюнь мог слышать дыхание императора, их взгляды встретились.

Сяо Юй прочел в этих глазах нечто, совсем не подобающее подданному. Под его взглядом лицо Ци Цзюня невольно залилось румянцем.

Сяо Юй заметил эту перемену и припомнил слухи, которые доходили до него о Ци Цзюне.

— Говорят, генерал Ци до сих пор не женат?

Услышав это, Ци Цзюнь еще больше покраснел и, чтобы спрятать глаза, опустил голову.

Оказывается, сам доблестный генерал-конник питает ко мне такие чувства. Сяо Юй невольно усмехнулся: возможно, это шанс, который даровало ему само небо.

— Я еще молод, Ваше Величество, должен прежде всего заботиться о делах, — как можно спокойнее ответил Ци Цзюнь.

<http://bllate.org/book/21170/2144721>